

**Речь Президента Федеративной Республики Германия
Франка-Вальтера Штайнмайера по случаю открытия
второй части мемориала «Малый Тростенец»
29 июня 2018 близ Минска, Беларусь**

Чем ближе приходишь к этому месту, тем тяжелее даётся этот путь. Знание о том, что здесь произошло, ложится на плечи многотонным гнѐтом. Кто приходит сюда, тот читал или слышал о преступлениях, которые немцы совершили в отношении белорусов, своих европейских соседей и своих же земляков. Тот знает, какой опустошительный след оставила на этой земле последняя, кошмарная война. Больше четверти населения Беларуси не пережило германскую оккупацию.

Многие из Вас, как и я, наверно, помнят фильм, который шѐл в кино много лет назад, в 1985 году, – «Иди и смотри» Элема Климова. Это был год, когда миллиметр за миллиметром начал приподниматься «железный занавес», и фильм этого великолепного советского режиссѐра показывали во всей Европе – как на Востоке, так и на Западе.

Это встреча лицом к лицу с войной. Не такой войной, которая была известна до этого. Нет, с той войной, которая затмила собой память обо всех предыдущих войнах, которая травмировала целые поколения и исказила облик нашего общего континента: это был поход германского Вермахта против Советского Союза, и целью этого похода было истребление.

Для многих западных европейцев этот фильм был первой встречей с Вашей страной, с Беларусью. Однако для немецких зрителей он стал ещё и конфронтацией с собственными отцами и дедами, которых война привела сюда – не куда-то в безымянную точку на востоке, а сюда, в леса Беларуси – в страну, у которой есть имя, пусть даже в фильме был лишь намѐк на это.

Ведь Климова не интересуют конкретные населѐнные пункты или линии фронтов. Его интересуем только мы, люди, и то, что эта война, эта оргия истребления с нами сделала. Он со всею

откровенностью демонстрирует нам, как происходит поругание детства, юности и невинности; как люди, лишённые человечности, превращаются в машины убийства и оставляют за собой безлюдную землю, опустошённую, без имени, без ориентиров.

Может быть, в осознании этого кроется и объяснение того, почему нам понадобилось так много времени, чтобы вновь обрести места, подобные этому; почему мы лишь сегодня нашли обратный путь сюда – спустя более семидесяти лет после окончания войны – чтобы вспомнить о преступлениях, которые были совершены здесь против тысяч и тысяч белорусских, германских, австрийских и чешских евреев, советских военнопленных, белорусских борцов сопротивления и мирных жителей.

«Иди и смотри»! Да, трудно следовать этому зову. Всё ещё трудно – особенно здесь.

В нас вселяют ужас сотни тысяч жертв, которых поглотило это Инферно, которые стали людьми без имени, прежде чем их затолкали в лагеря, отравили газом или сразу с перрона железнодорожной станции в Малом Тростенце погнали к краю рва и там расстреляли.

В нас вселяет ужас война, планы, приказы и методы ведения которой подразумевали тотальное уничтожение. Беларуси пришлось на себе испытать, что это означает. Более 600 деревень вместе со всеми жителями были полностью стёрты с лица земли здесь, в этом регионе.

Мы понимаем: то, что тогда постигло эту страну и её соседей, было делом рук человеческих. У этих преступлений были немецкие имена: Генрих Гиммлер, Райнхард Гейдрих, Эрих фон дем Бах-Целевски или Оскар Дирлевангер.

Смерть, которую принесли эти индивидуумы миллионам, не была уготована этим людям судьбой. Она была организована и приведена в исполнение со всей эффективностью, придумана в чиновных кабинетах, располагавшихся по конкретным адресам в Берлине: Вильгельмштрассе 101, Принц-Альбрехт-Штрассе 8, Раухштрассе 18, Вильгельмштрассе 72.

Этот заговор убийц вызревал в должностных циркулярах министерств, спускался по разнарядке в организационные подразделения, в айнзацгруппы СС и СД, в расстрельные команды полиции безопасности, полиции порядка и – да, в том числе и Вермахта. Каждый в отдельности был шестерёнкой в механизме, каждый зависел от другого, каждый цеплялся за другого, каждый вносил свою лепту – вплоть до того момента, когда раздавался смертоносный выстрел.

Эта бюрократизированная война, опиравшаяся на аппарат и организованную им разнарядку, атомизировал ответственность

каждого в отдельности. Потом все, кто в этом участвовал, заявят, что их вклад был ничтожен, веса не имел, и они выполняли лишь приказ свыше.

В Малый Тростенец команды убийц пришли весной 1942 года. Это был забытый богом уголок, в то время находившийся за городской чертой Минска. По приказу Райнхарда Гейдриха из этого местечка сделали фабрику убийств, превратив бывший колхоз им. Карла Маркса в трудовой лагерь и лагерь смерти. Наладить заброшенную железнодорожную ветку и выбрать малозаметное место для экзекуций – больше ничего и не требовалось.

Тысячи и тысячи человек расстреливались в лесу под Благовщиной или уничтожались с помощью газа в специально оборудованных для этих целей грузовиках – однако только по рабочим дням. Поезда, которые прибывали в Малый Тростенец по выходным, не оформлялись. Обречённым на смерть приходилось ждать, пока расстрельные команды выйдут на работу в понедельник. Бесстыдство убийц вполне соответствовало механике убийств. Здесь полагалось ликвидировать любой след, оставленный человеком, и ликвидировать в себе последние остатки человечности.

Это местечко, Малый Тростенец, захваченное Вермахтом как «жизненное пространство на востоке», стало местом смерти. Оно находилось на самом конце цепочки директив, не было обозначено ни на одной географической карте, зато значилось в плане так называемого «окончательного решения еврейского вопроса». Уже очень давно пора было вернуть Малый Тростенец в историческое сознание Европы.

То, что произошло здесь, оставило глубокие раны. Их видят все, кто хочет видеть. Иди и смотри! – этот призыв – сколь бы мучителен он ни был – обращён к нам, к поколениям, родившимся после этих событий.

Поэтому ценность того, что появилось в этом месте, невозможно измерить. Ведь знать о таких местах и помнить, что здесь произошло, необходимо для того, чтобы разобраться в самих себе. Невозможно представить себе ни XX, ни XXI век без этого знания.

Общеввропейская ответственность за то, чтобы больше не было войны, основывается на знании того, что люди здесь, в этом самом месте, творили со своими ближними.

Если мы хотим и дальше, без помощи очевидцев, помнить о том, почему для нас так важна Европа, основанная на принципах человечности, этот наш общий европейский континент, мы должны изучать историю Европы, учить её истории и передавать её каждому следующему поколению.

Частью этой исторической памяти европейцев, а в первую очередь немцев, неизбежно является и история Беларуси. После почти трёх десятилетий независимости пришло время для того, чтобы эта страна в нашем сознании и понимании вышла из тени Советского Союза, но прежде всего – чтобы Беларусь воспринималась как государство с собственной историей, настоящим и будущим.

Это место, Малый Тростенец, олицетворяет ужасную страницу белорусской истории. Но сегодня оно олицетворяет и общую память. Это место памяти, так же как и совместная историческая мастерская в Минске, представляет собой результат совместных усилий белорусских и германских историков и общественных групп, таких как Международные образовательные центры в Беларуси и Германии.

Но важно подчеркнуть: без воли Беларуси к примирению это сотрудничество было бы невозможно.

Мы никогда не должны забывать: цель войны на уничтожение, развязанной Германией, состояла в том, чтобы стереть с лица земли страну и людей, которые в ней жили. Тем глубже моё смирение, тем больше моя благодарность людям в Беларуси за их волю к примирению.

В Германии путь к памяти об этих преступлениях был долгим, слишком долгим. Много, слишком много времени понадобилось нам для того, чтобы осознать эту ответственность. Сегодня наша ответственность – это сохранение знания о том, что здесь творилось. И я уверяю Вас: мы будем отстаивать эту ответственность в том числе и перед теми, кто говорит, что от неё освобождает нас прошедшее с тех пор время.

«Иди и смотри!» – это долг, который никогда не будет погашен. И поэтому сегодня я как Президент Германии, как немец и как человек стою здесь перед Вами с чувством благодарности за знаки примирения, с чувством стыда и скорби за те страдания, которые немцы принесли Вашей стране.